

Галина Романова

С ПЕРВОГО
ВЗГЛЯДА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Л. Латышова*
Оформление серии *Н. Ярусовой*
Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 С первого взгляда : [роман] / Галина Романова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-233379-8

Утро после дружеской вечеринки с танцами на раздевание началось с дикого женского крика. Антон Марин обнаружил себя полураздетым и мающимся от жестокого похмеля, а вот бывшую жену Алу нашли задушенной его же ремнем. Самое ужасное, Антон совершенно не помнил ни драку после вчерашнего разнузданного веселья, ни то, как ломился к Алке в комнату, грозясь ее убить. А значит, ни мотива, ни преступника искать не надо — вот он, собственной персоной... Правда, алиби есть: Влада уже много лет страдает по нему и готова подтвердить, что страшную ночь они провели вместе. Конечно, только в том случае, если Марин женится на ней. Но для Антона это такая же тюрьма, если не хуже. Выход один — найти настоящего убийцу. И сроку ему дано две недели... Или Влада откажется от своих показаний!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233379-8

© Романова Г.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

На кой черт ему эта вечеринка, спрашивается?!

Тащиться непонятно куда! Непонятно зачем! Непременно в костюме и галстук! Не смей опаздывать! При себе никого не иметь!

Последнее условие его вообще возмутило.

— Че так-то, Лен? — хмыкнул он в телефонную трубку таким тоном, будто мог зараз привезти с собой по меньшей мере пятерых красоток.

На самом-то деле он уже давно пребывал в поиске, и пока безо всякого результата. Но повыделываться все равно стоило. Чего это она сразу с условий начинает?

— У нас семейное торжество, Антоша. Нам не нужны за столом посторонние! — сразу надулась Лена Снегирева.

И забубнила, забубнила, тут же припомнив все их совместные с ее мужем — Ванькой — прегрешения, видеть которые чужому глазу было никак нельзя.

Тут и новогодняя прошлогодняя елка всплыла, когда они с Ванькой вокруг нее в одних трусах плясать вздумали. Хорошо еще, что совсем не разделись! То, что елка та произрастала в дачном поселке возле их дома, Ленку мало трогало.

А в бане, когда пива перепили, что было? Додумались в одних полотенцах выйти на улицу! А баня та в центре города, и вышли они в полотенцах из дверей на оживленный к тому часу проспект. И любовались бы на них прохожие часа два — попозировать они любили, — если бы не милиция, разогнавшая толпу зевак, а заодно и на них с Ванькой накричавшая.

Потом Ленка, захлебываясь азартным возмущением, вспомнила их совместный поход в горы. Поездку к морю. Следом отдых в санатории.

— Вам же нельзя на люди, Антоша! Вы дикари!!! Так что приедешь один, — закончила она безапелляционным тоном и добавила как бы между прочим: — Достаточно уже того, что твоя бывшая приедет с бойфрендом.

— Ага!!! — тут же завопил он, встав на дыбы. — Ей можно, а мне нет?!

А в голове тут же заплясало и запрыгало: это что же у Алки за бойфренд такой? Откуда она его нарыла, если еще пару месяцев назад домой назад просилась? Не очень настойчиво, правда, но просилась. Может, нарочно тащит кого-то с собой, чтобы его — своего бывшего мужа — позлить?

— Ей можно, потому что...

Ленка замялась, стараясь подыскать единственно верные и правильные слова.

Щадила его таким образом.

— Ну! Говори как есть, чего мямлишь? Почему это ей можно?

— Потому что Сережа не совсем посторонний, — закончила Ленка с виноватым вздохом.

— Минуточку! — Антон тогда завертел шейей с такой силой, что захрустело что-то под тугим воротничком сорочки. — Это какой такой Сережа? И с чего это он нам не совсем посторонний? Уж не тот ли это Сережа?..

— Тот, Антоша, тот. — Лена засопела в трубку совсем уж виновато.

— Я не приеду! — отрезал он категорично и хотел отключиться, но Ленка заверещала как ненормальная:

— Тошечка, миленький! Не смей бросать трубку!!! И не смей не приезжать!!! Ты нужен, понимаешь?

— Нет. Зачем?

— Ты должен помочь, — нехотя начала признаваться Ленка.

— В чем? Чем? Зачем?

Он уже ничего не соображал в тот момент и гнал машину по улицам города как заправский гонщик. О том, что его могли остановить сотрудники милиции, оштрафовать, отобрать водительское удостоверение, он не думал. О том, что он может кого-нибудь покалечить, не думал тоже. Весь мир съежился до размеров узкого тесного тоннеля его обшарпанной, загубленной Алкой жизни, из которого ему страсть как хотелось вырваться. А вот, получается, мешали.

— Антоша, она несчастна! Несчастлива без тебя! Дурочка, ничего не видит, ничего не понимает, не понимает, что губит себя! Но мы-то видим и хотим помочь!

— Помогайте, — отрезал он и вильнул в пыльный проулок, сразу переполошив дюжину задремавших кур и чинно прогуливающих пенсионерок. — Я-то при чем?

— Без тебя никак, Антоша. Мы с Ванькой долго думали и решили, что...

— Что для того, чтобы сделать мою бывшую жену счастливой, мне необходимо отбить ее у того прохвоста, который, в свою очередь, отбил ее у меня. Я правильно понял?

— Правильно, — обрадовалась наивная Ленка.

— Дура! — коротко обронил Антон, доехал до обрыва, нависшего над рекой растрескавшейся каменной губой, и остановил машину.

— Кто дура? Алла?

— И Алла, и ты, Лен, дура тоже.

Он почесал макушку, глянул на себя в зеркало. Физиономия была зверской. Если бы Ленка его сейчас увидала, то поостереглась бы вести дальнейшие переговоры.

Она его не видела, поэтому принялась возмущаться, называя всех мужиков козлами и гадами. Ему отдельно досталось. Финала ее гневного монолога он не услышал, просто выключил телефон. И решил тогда, выйдя из машины и усаживаясь светлыми штанами прямо в молодую сочную траву, что ни за что не станет принимать участие в их акции по спасению его заблудшей овцы, пардон — жены.

Но день спустя позвонил Ванька — его лучший, самый лучший друг на свете — и тоже начал просить его приехать на их праздник. Он заискивающе хихикал, называл всех баб глупыми курицами. Просил не обращать внимания на Ленкины идиотские затеи. Уверял, что праздник этот никакого отношения к развалившемуся браку Антона и Аллы не имеет. У них с Ленкой просто знаменательная дата, которую они хотели бы отметить в кругу друзей, вот и все.

Антон ему не поверил, но приехать пообещал.

Почему не поверил?

Да потому, что Ванька ему наврал.

Друзья что собирались отмечать? Правильно, годовщину их с Ленкой знакомства. А сколько лет, сказал Ванька, минуло с тех пор? Правильно, сказал, что пятнадцать. А на самом деле?

А на самом деле, Антон знал и помнил это совершенно точно, знакомству их было семнадцать с половиной лет или чуть меньше. Причина для запоминания тоже имелась: это именно благодаря ему они и познакомились.

Познакомил он их незадолго до Нового года в школьном коридоре, толкнув Ваньку на Ленку, когда она проходила мимо них из столовой. Ванька тогда заорал:

— Дурак, что ли, Тоха?!

И тут же, успев шкурно подмигнуть другу, кинулся помогать Ленке подбирать с пола оброненные пирожки с капустой, которые она несла своим одноклассницам. Пирожки, конечно, пришлось выбросить. Дураку Тохе, загадочно ухмыляющемуся, пришлось уйти. И было им на тот момент...

Да, все правильно! Было им по шестнадцать. Сейчас по тридцать четыре с хвостиком. Дело катится к лету, так что никак их знакомству не могло быть пятнадцать лет.

Он, конечно же, поедет на вечеринку, устраиваемую его друзьями в доме Ванькиного дядьки за городом. Какой бы причиной они ни руководствовались, разочаровать и уж тем более обидеть Антон их не мог. Но самому себе поклялся на Алку вообще никакого внимания не обращать.

Никакого!!!

Пусть она выглядит на три миллиона евро! А она именно так всегда почти и выглядела. Он в ее сторону все равно не поглядит.

Пусть она начнет снова выделять свои штучки-дрючки, которые всегда распяляли и заводили его, он все равно в ее сторону не посмотрит.

Пусть она с этим своим Сережей демонстрирует необыкновенное счастье и взаимопонимание (и когда успели снова начать встречаться!), он не станет беситься. Не станет обращать на это никакого внимания и уж тем более не станет задаваться вопросом: а что он сделал не так в их совместной жизни и почему теперь вот все сложилось именно так, а не иначе?

Он будет ее игнорировать, вот!

Он станет от нее отворачиваться!

Он не клонет, не глянет, не пожалеет ни о чем несделанном!

Он будет самым собой. Тем самым парнем — нормальным, покладистым, надежным, веселым и немного бесшабашным, которым был всегда до встречи с Аллой.

Он не будет ее парнем, ее мужем, ее бывшим мужем. Он вообще не ее! Он сам по себе, она сама по себе. Он не ее, он свой!!! Сам себе господин, режиссер и хозяин!

Но чем меньше оставалось времени до намеченного праздника, тем меньше уверенности оставалось в его душе, которую он справедливо считал истерзанной.

А чего не так-то?!

Алка — она же...

Она же — гадина ненаглядная — измучила его, истерзала его душу, вынула и растоптала сердце, она сузила его мир до размеров тесного пенала, постоянно щелкая за его спиной невидимым хлыстом.

И что самое страшное — он подчинялся ей, придурок! Он позволял лепить из себя невероятных пластилиновых или пла-

стикových, черт его знает, роботов. Позволял заводить их в любое время суток странным волшебным ключом, приводить в действие механизм, не дающий никогда сбоя. Он позволял ходить им строем, кивать, когда необходимо, ловить на лету кусочки сахара...

Нет, это не про роботов, кажется, это про собачек. Милых, послушных, пушистых собачек, норотивших все время поплясать перед своей хозяйкой на задних лапках.

Таковыми вот собачками он тоже бывал.

А потом, потом, потом...

Потом случилось страшное. Или банальное? Или закономерное?

Алка ему изменила! Изменила, стоило ему уехать в командировку на две недели.

Загуляла, не дождалась, зашалавилась, как сказали бы любители сидеть на лавке у подъезда, попутно сплевывая шелуху от семечек.

Так же вот, как семечную шелуху, Алка сплюнула себе под ноги и его жизнь. Сплюнула, перешагнула и даже не обратила внимания на то, как ему при этом было больно.

Он тогда запил, переболел, перебесился и... простил почти.

Ну, загуляла и загуляла, кто не оступается, так ведь? Он сам виноват, нельзя такую шикарную женщину оставлять на произвол судьбы и мужицкий беспардонный произвол аж на целых две недели. Она, может, уже давно раскаивается. Как не простить-то, господи! Так ведь?

Оказалось, что не так!

Это у всех остальных может быть так, но не у Алки, которая почти всегда выглядела на три миллиона евро.

Она изумленно вскинула невероятной формы бровки и прошептала, глядя на него, как на помутившегося рассудком:

— Ты что, Марин, так ничего и не понял?!

Не поверите, он в тот момент даже устыдился.

— А... а что я должен понять, маленький?

Он все еще привычно носил на своем языке всякие пусики-мусики-сюсики, когда обращался к ней.

— Ты не понял, почему это произошло со мной?!

Ее удивительного оттенка — совершенно бирюзовые, без каких бы то ни было вкраплений, и не линзы, он убедился в этом еще в период знакомства — глаза наполнились слезами.

— Ты так ничего и не понял?! — Две драгоценных слезы скатились по щекам, чуть повисели на скулах и все же упали, тут же бесследно исчезнув в меховом воротнике ее шубы. — Это все произошло потому, что...

И началось перечисление всех отвратительных его качеств, которые он по недоразумению причислял к достоинствам. И бесхарактерность его вменялась ему в вину. И беспринципность — и когда такое было?..

— Сережа, он... Он, в сущности, ничего для меня не значит. Он всего лишь эпизод в моей жизни, — проговорила она напоследок и тут же добавила: — Но он открыл мне глаза на мир!

— На какой?

Он все еще терпел, все мечтал, что она одумается и сейчас все же начнет каяться и просить прощения.

— В котором тебе нет места, Марин! — тут же скомкала Алла все его надежды и ушла.

Ушла не к Сереже, как потом оказалось. Ушла куда-то еще. Где-то жила. Чем-то занималась. Зарабатывала какие-то деньги.

Потом с кем-то еще жила. Со вторым, третьим, четвертым. Все искала себя, наверное. И вот теперь вдруг оказалось, что она снова с Сережей, которого почему-то его друзья не считают посторонним за их праздничным столом.

— Твою мать, а! — вспыхнул он, в третий раз не получалось завязать красиво галстук.— Да пошло оно все!..

Никакого фрака, костюма и галстука, пускай катятся со своими условностями! Да и какой, на хрен, галстук с костюмом в загородном доме, который, по слухам, к тому же еще и располагался в лесу?! Пускай Серж надевает костюм. При такой женщине, как Алла, надлежало выглядеть, а ее бывшему мужу, которому в ее новом мире не было места, и в джинсах будет совсем неплохо.

— Чего купить? — спросил он у Ваньки, опуская приветствие.— Вина, водки, коньяка?

— Все имеется, старик, не беспокойся,— отозвался Ванька на подъем.

Но каким-то неуверенным показался Антону его подъем, каким-то наигранным.

— Слышь, дружище, я тут подумал... — Антон надул щеки, выдохнул, глянул на себя в зеркало в прихожей.— Не стану я надевать никакого костюма.

— А что так? — растерялся друг.— Нет. Я в принципе... Как тебе удобно, просто...

— Просто что? — тут же озверел Антон.— Алка со своим халем будут при параде, а я в джинсах, так, что ли? На его фоне, боишься, проиграю?

— Боюсь! — честно признался Ванька после минутной паузы.

— Ты же сказал, что к Ленкиной затее никакого отношения не имеешь? — прицепился к другу Антон.

— К какой затее?

— К той самой! — передразнил его он. — К той самой, что она снова хочет меня с Алкой свести!

— Не имею, — заартачился Ванька. — Говорил и говорить буду: к ее затее отношения не имею. И вообще считаю это глупым.

— Что конкретно? — немного смягчился Антон. — Конкуренцию такого плана?

— И конкуренцию тоже.

— А еще что?

— Да ладно тебе, Тоха, дурака валять! — вспыхнул теперь уже друг. — Я бы в жизни не простил! У нее уже после тебя сколько мужиков-то перебивало, а?! Пальцев на руке не хватит! И че, после этого с ней опять что-то строить?! Да на хрена надо!!!

— Вот и я о том же, — отозвался Антон.

И тут же подумал, что для него это ровным счетом никакого значения не имеет. Ни второй, ни третий, ни четвертый, ни пятый, если они и были... после Сергея.

Для него имел значения лишь он один.

Этот мерзопакостный счастливчик, сумевший открыть его жене глаза на мир, в котором ему — Антону Марину — не было места.

Он один был виноват в этом. Не в ее грехопадении — нет! А в том, как страшно она прозрела!

Они же прожили вместе десять лет. Все казалось прочным и незыблемым. Скорее земля, думал Марин, начнет вращаться в другую сторону, чем что-то изменится в их отношениях с Аллой. Он уважал, понимал, слушал и слушался, он ублажал, в конце концов. Он не скупился на подарки! Он занимал, перезанимал,

кредитовался, чтобы у нее все было. И чтобы она почти всегда выглядела на три миллиона евро.

Если честно, то он представления не имел, как надлежало выглядеть на такую баснословную сумму. Это Алла всегда так говорила, а он послушно повторял. Ну и со временем сам стал смотреть на все и на всех ее глазами. И ведь видел все и принимал именно так, как она хотела.

А оказалось, ему места нет в ее мире, мать бы их ети!!!

— Ладно, старик, извини,— откашлявшись, начал лепетать Ванька.— Хотелось, чтобы ты отлично выглядел. Чтобы эта стерва пожалела наконец и поняла, кого лишилась по бабьей прихоти своей.

— Костюм не надену,— стоял на своем Антон.

И тут же снова мысленно поспорил с Ванькой.

И не стерва вовсе Алла, запуталась просто, заметалась мотыльком. И жалости ее ему не надо. От любви бы — да, не отказался. А вот жалости — боже упаси. Да и не была прихотью ее измена. Он понимал это где-то глубоко внутри себя. И оправдывал, да. И уж простил давно, конечно, ее прелюбодеяние.

Что места не было ему в ее загадочном мире — вот чего простить не мог и не простит уже никогда.

ГЛАВА 2

Он не знал, как именно нужно выглядеть на три миллиона евро. Всегда считал, что Алла именно на столько и выйдет, поскольку она всегда казалась ему шикарной. Но вот сегодня...

Сегодня она не выглядела даже на треть от того, как выглядела раньше.

Когда он подъехал к дому Ванькиного дядьки, проплутав по лесным дорогам с полчаса, почти все уже собрались. Не было лишь его и еще одной супружеской пары, с которой Ленку и Ваньку тоже связывала давняя прочная дружба. Но те обещали быть ближе к вечеру.

Он подъехал к воротам, представился охраннику, на охранника вовсе не похожему. Малый в тренировочном костюме с начесом вяло жевал травинку и смотрел на него отстраненным, пустым взглядом. Не предъяви Антон ему документов, он бы их и спрашивать не стал, так бы пропустил.

Миновав ворота, он въехал на территорию заимки. Увидел парковку у восточной стороны двухметрового бревенчатого забора, поехал туда. Пока ехал, успел заметить, что народ уже толпится возле стола на веранде, где начинали играть в карты. Все, как и оговаривалось ранее, были в костюмах, при галстуках, дамы в вечерних платьях. Что, на его взгляд, выглядело несколько нелепо. Да и удобств не прибавляло, дамы утопали высокими тонкими шпильками в газонной траве и спешили либо присесть, либо перейти на веранду.

И чего было выпендриваться, непонятно.

Аллы он среди присутствующих не заметил. Зато сразу же выхватил взглядом из толпы высоченную широкоплечую фигуру соперника — мастера открывать глаза всем на все. Он обнимал за талию худенькую, коротко остриженную блондинку, что-то без конца шептал ей на ухо и сам же заразительно при этом смеялся.

— Как весело!!! — гневно прошептал Антон, со злостью хлопая дверцей машины. — Где же твоя избранница, скотина?!

Избранница обнаружилась.

Ею и оказалась та самая худенькая, коротко остриженная блондинка.

— Алла?! — Антон выкатил глаза, не узнавая в этой изможденной, измученной женщине свою бывшую супругу. — Как ты?!

— Нормально, — вскинула она головку, глянув на него с вызывающим холодком. — А у тебя как дела? Вижу, ты по-прежнему бунтуешь?

— Ты о костюме?

— О нем, Антоша, о нем. — Она прищурилась, начав тут же перечислять: — Все в костюмах, ты один, как ямщик, в джинсах, рубаше навыпуск, хорошо еще, что не в сапогах!

— Думаю, что все это переживут. — Он подмигнул ей игриво, как бывало очень давно, еще в пору их влюбленности. — А мне все равно. Так у тебя точно все в порядке?

— А почему ты спрашиваешь? — прикинулась она непонимающей и подергала худенькими плечиками. — Что-то не так?

— Ну... Ты сама на себя не похожа. Исхудала вся.

— Я на диете, — тут же перебила она его.

Алла соврала. Он точно знал, как никто, что никаких ей диет не требовалось. В ее организме сгорало все. Ни единого грамма лишнего, ни единой ненужной складочки на ее теле не образовывалось. Поразительная способность избавляться от всего ненужного. От него в том числе.

— Понятно... — пробормотал он. — А волосы зачем перекарсила? И подстригла так коротко!

— А захотелось! — снова с вызовом, но с каким-то таким притушенным, без запала совсем. — Что, не нравится?

— Мне-то что, — пожал Антон плечами и поспешил смыться. К ним направлялся парень из другого мира.

Конечно, ему было не все равно. И худоба ее невероятная встревожила не на шутку. И стрижка эта дурацкая, совсем ее не красившая, и блондинкой ей не шло быть.

— Вань, она что, пьет?! — вдруг решил он поинтересоваться, перехватив летевшего на него с напитками друга.

— Кто? — не сразу понял тот.

— Да Алка! Она выглядит так... Ты видел?

— Видел, — кивнул Ванька и тут же увел взгляд в сторону.

— И в чем причина таких перемен в ней?

— Слушай, Тоха, переговори лучше с Ленкой, а! — взмолился друг и потряс в воздухе бутылками, зажатыми меж пальцев. — У меня земля горит под ногами, ничего не успеваем. Да еще одна официантка не явилась, а две другие капризничают. Переговори с Ленкой, Антош!..

Лену Антон поймал на втором этаже. Та металась из одной гостевой спальни в другую с охапкой постельных комплектов.

— Лен, есть разговор, — ухватил ее Антон за рукав домашнего платья.

— Ты чего, Антоша, в своем уме?! — У нее аж губы затряслись от обиды. — Время поджимает. Все гости на месте, а я еще не переодевалась и даже не причесывалась!

— Две минуты! — пообещал он и выкинул вверх два пальца. — Не отстану ведь.

— Ты и правда не отстанешь, — сморщилась она, глянула на свои часики, болтающиеся на левом запястье на серебряном браслете. — Время пошло, Тоша, быстро!

— Что с Алкой? — не стал он ходить вокруг да около.

— А что с ней?! — Ленка испуганно вытянула шею в сторону окна, пытаясь рассмотреть, что творится на улице.

— Ты видела, как она выглядит?

— А-а-а, ты об этом. — Она понимающе закивала, тут же скорбно поджала губки. — А ты думаешь, чего я к тебе приста-
вала?

— А чего ты ко мне приставала?

— Я приставала, чтобы ты приехал... Мог бы, между прочим, и поприличнее выглядеть, — не забыла, вставила ехидная под-
руга. — Серж видал какой нарядный?

— Не собирался никого переплюнуть, — выпятил Марин ниж-
нюю губу, ненавидя себя за ложь.

Настырничая, ведь не надел костюма, чего уж. Узел краси-
вый на галстуке не получался к тому же. И воротник у любимой
Алкой рубашки, вдруг оказалось, пошел пузырями. Попробовал
надеть другую — не понравилось. Вот и вырядился в джинсы.

— Вот и зря, — ткнула его кулачком в лоб Ленка и вздохну-
ла. — Но ты все равно у нас красавчик, Антоша. Хоть в рубище,
хоть в чем, все равно красавчик...

— Лена, а покорооче нельзя!

Он увидел через стрельчатое окно лестничной площадки
второго этажа, как Серж уводит Аллу куда-то к воротам, и нео-
жиданно забеспокоился. Хотя, казалось, ему-то что? Они уже
больше двух лет врозь.

— Корооче, я хотела, чтобы ты приехал, блеснул и отбил Алку
у этого хлыща. Можешь меня за это ненавидеть!

— Дуреха, я же тебя люблю, ты же знаешь. — Антон тепло
улыбнулся и клюнул губами Ленку в щеку. — То, что ты затеяла,
я понял еще из твоего приглашения. Я сейчас о другом... Что
с ней случилось? Почему она так выглядит?! Она... Она не пьет?!

— Идиот! — фыркнула Ленка. — К спиртному она относится так же, как и раньше. Другим позволяет пить в своем присутствии, сама же старается пить только сок или воду. Нет, Антоша, тут что-то другое.

— Что?

Он снова заглянул в стрельчатое окно, расположенное на площадке второго этажа. Аллы видно не было. Куда-то все же уволок ее противный Серж. И что она в нем нашла, интересно? Всегда же презирала излишне мускулистых, перекачанных красавцев. А тут вдруг...

Ах да! Он же ей глаза открыл! Мускулатура и все остальные части его противного тела тут ни при чем.

— Мне кажется, Алла переживает, Антоша. — Ленка положила ладонку ему на грудь, подкинула на локте гору постельного белья, заглянула доверительно ему в глаза. — Мне кажется, она казнится из-за вашего разрыва, Антоша.

— Да ладно! — замотал он головой. — С чего это ей переживать?

— Ты самое лучшее, что было у нее в жизни, — произнесла со вздохом Лена и начала маневрировать, пытаясь обойти его стороной и смыться уже.

Но Марин ее маневры распознал и преградил дорогу.

— Это она тебе такое сказала? — прищурил он правый глаз, что случилось с ним всегда в моменты сильнейшего душевного дискомфорта.

Конечно, он и изначально не совсем хорошо себя чувствовал, собираясь сюда. Нервничал, психовал, разбрасывая штаны, рубашки, галстуки. И встречи с Алкой страшился. Да и Серж

ее ему был ненавистен. Сиди потом, улыбайся через силу. Но после того, как он увидел свою бывшую жену в том самом состоянии, в каком она теперь пребывала, и тем более послушал Лену, ему сделалось и вовсе нехорошо.

— Ничего она мне не говорила. Не стоит волноваться, — моментально распознала тревожный признак подруга. — Просто... Просто нужно быть слепой, чтобы не понять это, Антош. С тобой она порхала, стрекотала, выглядела как!

— На три миллиона евро, — напомнил он Алкину вечную шутку.

— Вот-вот. Именно! А сейчас что?! Спрашиваю, болеешь? Нет, говорит. Вены даже просмотрела, когда три недели назад с ней встретилась поужинать. Нет, все ручки чистенькие. Ни единого следа от укола. Ну, ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — кивнул Антон.

— В чем дело, спрашиваю? Что с тобой стряслось, почему так выглядишь?

— А она что?

— А ничего! Смеется и говорит: старею. А какая старость, если она моложе меня на два года! Ей и всего-то...

— Тридцать два, я помню.

— Вот-вот. Говорю, может, тебе к Антошке вернуться. Кстати, она тебе пару месяцев назад звонила? — Ленка уставилась на него инквизиторским взглядом.

— Звонила, — не стал он врать.

— Назад просилась?

— Будто бы. Но как-то так, в форме шутки. И странная какая-то была при этом, я даже подумал, что она навеселе.

— Она же не пьет, Антон! — оскорбилась за подругу Лена. — Надо же... А я думала, что она мне соврала, когда сказала, что ты ей отказал в такой малости.

— Ты о чем?

— Ну... Мог бы и принять ее обратно.

— Ле-ена!!! — не выдержав, взревел Марин, отступил, пропуская ее к лестнице. — Ты думаешь, что все так просто?! Я... Я уже переболел, и снова начинать... Кстати, она ведь тут же утешилась, вернувшись к Сергею. Не так ли?

— Ой, не знаю, — вздохнула с печалью Лена, приостановившись на второй сверху ступеньке. — Тут вообще с этим Сержем непонятно все. То они будто бы расстались. И расстались уже как бы давно. То вдруг она звонит и говорит, что у них все отлично складывается. Потом вот приехали вместе сюда. А я когда шла по коридору, чтобы плед им в спальню положить, слышала, как они ругаются.

— Ругаются?!

— Да! И при этом Сергей называл ее нехорошими словами. Обзывал попросту. Я постучала. Они смолкли. Я вошла, положила плед на кровать. И... — Лена замолчала, заново переживая неприятную сцену в гостевой спальне, свидетелем которой стала.

— И что? — поторопил ее Антон.

— Что самое противное, он тут же обнял ее при мне, начал целовать и, кажется... Кажется, сделал ей больно.

— Укусил, что ли?!

— Будто бы, потому что на губе у нее вот тут, — Ленка постучала себя пальчиком по нижней губе ближе к левому уголку рта, — вот тут у нее капелька крови выступила.